

А „неограниченная царская власть“—это философия Платона и Шеллинга, это стихи Пушкина, неизреченность Байрона, задумчивость Шелли.

И будет ли онъ „Анчаромъ“ (критика враговъ)—слава Ему.

Будетъ ли благодѣтелемъ и защитникомъ сиротъ и обиженныхъ—слава Ему.

Не потому что онъ хорошъ.

А потому что „Онъ“—„Онъ“.

Точка. А кто будетъ спорить, того мы будемъ колотить. „Потому что мы Русскіе“. И потому что спорящій крадетъ мою душу и убиваетъ меня.

В. Розановъ.

II.

Н. Лосский. Интуитивная философия Бергсона. Книгоизд. „Путь“, Москва, 1914 г

Философия Бергсона, какъ философия жизни—показываетъ призрачность многихъ философскихъ построений и раскрываетъ нѣкоторые слои жизни. Въ ней не только дѣйственно туманное метафизическое *настроение*, но и налично возможно-отчетливое метафизическое и гносеологическое *построение*. Правда, философия Бергсона вскрываетъ лишь *ближайшіе* слои жизни, не углубляясь до первоисточниковъ: для Бергсона живая личность лишь струя и всплескъ общаго потока жизни. Поэтому метафизика Бергсона постепенно переходитъ въ непредѣленный біологическій витализмъ, неминуемо влияющій и на гносеологию. Живая, но безличная, мысль сливается съ общимъ сознаниемъ, индивидуальность становится поверхностнымъ „я“, а глубинное „я“—уже течение общаго потока жизни. Гносеология превращается въ страницу психологии, а психология, будучи метафизически-истолкованной, становится вѣтвью біологии и въ то же время, поскольку жизнь—проникновение сознаниемъ *матеріи*, вѣтвью физиологии. Такимъ образомъ, метафизическое настроение философии Бергсона, логически строяемое, наклоняетъ метафизику жизни къ обычному витализму, а гносеологию чрезъ психологию—къ физиологии. Но это—лишь *наклонъ*, лишь тенденція. Въ философии Бергсона дѣйствительно чувствуется шумъ

А „неограниченная царская власть“—это философія Платона и Шеллинга, это стихи Пушкина, неизреченность Байрона, задумчивость Шелли.

И будет ли онъ „Анчаромъ“ (критика враговъ)—*слава Ему*.
Будетъ ли благодѣтелемъ и защитникомъ сиротъ и обиженныхъ—*слава Ему*.

Не потому что онъ хорошъ.

А потому что „Онъ“—„Онъ“.

Точка. А кто будетъ спорить, того мы будемъ колотить. „Потому что мы Русскіе“. И потому что спорящій крадетъ мою душу и убиваетъ меня.

В. Розановъ.

II.

Н. Лосский. Интуитивная философія Бергсона. Книгоизд. „Путь“, Москва. 1914 г

Философія Бергсона, какъ философія жизни—показываетъ призрачность многихъ философскихъ построений и раскрываетъ нѣкоторые слои жизни. Въ ней не только дѣйственно туманное метафизическое *настроение*, но и налично возможно-отчетливое метафизическое и гносеологическое *построение*. Правда, философія Бергсона вскрываетъ лишь *ближайшіе* слои жизни, не углубляясь до первоисточниковъ: для Бергсона живая личность лишь струя и всплескъ общаго потока жизни. Поэтому метафизика Бергсона постепенно переходитъ въ неопредѣленный біологическій витализмъ, неминуемо влияющій и на гносеологию. Живая, но безличная, мысль сливается съ общимъ сознаниемъ, индивидуальность становится поверхностнымъ „я“, а глубинное „я“—уже теченіе общаго потока жизни. Гносеология превращается въ страницу психологии, а психология, будучи метафизически-истолкованной, становится вѣтвью біологии и въ то же время, поскольку жизнь—проникновение сознаниемъ *матеріи*, вѣтвью физиологии. Такимъ образомъ, метафизическое настроеніе философіи Бергсона, логически строяемое, наклоняетъ метафизику жизни къ обычному витализму, а гносеологию чрезъ психологию—къ физиологии. Но это—лишь *наклонъ*, лишь тенденція. Въ философіи Бергсона дѣйствительно чувствуется шумъ.

потока жизни, который внутренно объединяетъ всѣ точки зрѣнія блуждающей мысли. Можно отыскать внѣшнюю несочлененность въ построенияхъ, но не надо упускать изъ виду внутренняго единства настроенія. Сущность философіи Бергсона не въ чистой гносеологіи, а въ метафизикѣ, просвѣтляющей гносеологію. И всякій разъ, какъ потеряется органическая связь метафизики и гносеологіи, станетъ разлагаться отдѣльно-взятый элементъ цѣлага. Конечно, это не исключаетъ относительной важности анализа гносеологіи Бергсона.

Небольшая книга (113 стр.) Н. О. Лосскаго—среди литературы о Бергсонѣ—имѣетъ свои неоспоримыя достоинства, но своеобразіе, присущее и другимъ работамъ автора, въ данномъ случаѣ граничитъ съ недостатками. Лосскій поставилъ своей задачей—изложеніе философіи Бергсона въ цѣломъ и освѣщеніе ее съ точки зрѣнія *своего* интуитивизма. Изложеніе въ общемъ простое и общедоступное, но планъ вызываетъ недоумѣнія. Планъ, очевидно, опредѣляется не внутренней природой философіи Бергсона и не чисто-методологическими соображеніями, имѣющими въ виду критическое освѣщеніе, а характеромъ интуитивизма самого Лосскаго. Желая дать изложеніе философіи Бергсона въ цѣломъ, Лосскій рѣзко отгвнилъ гносеологическіе и психогическіе моменты въ системѣ Бергсона, а метафизическое оказалось туманной, окаймляющей полоской. Въмѣсто того, чтобы показать основную метафизическую интуицію жизни и смерти, памяти и матеріи, осмысливающую прозрачную логическую оболочку философскихъ построеній, Лосскій начинаетъ изложеніе съ главы о разсудкѣ и интуиціи, придавая имъ почти обычное гносеологическое освѣщеніе (1 гл.). Затѣмъ слѣдуетъ изложеніе психологіи (2 и 3 гл.) и гносеологіи (4 гл.) Бергсона. И въ конечныхъ главахъ о матеріи и жизни опять изъ метафизическаго берется то, что имѣетъ гносеологическую значимость. Эта подчеркнутость однихъ членовъ системы во вредъ другимъ и, по нашему мнѣнію, даже главнымъ—налагаетъ печать на характеръ изложенія философіи Бергсона. Благодаря неодинаковому освѣщенію обликъ и выраженіе цѣлага остаются смутными и порою искаженными. Такимъ образомъ, въ методѣ выполненія первой задачи чувствуется опредѣленная оцѣнка. И это вотъ почему.

Къ метафизическому интуитивизму Бергсона Лосскій подоцель съ рамкой своего гносеологического интуитивизма. Въ самомъ дѣлѣ, критическія замѣчанія Лосскаго касаются основаній и строенія гносеологии Бергсона. Лосскій руководится вѣрой въ возможность чистой гносеологии, согласно своему гносеологическому, правда, многозначному интуитивизму. По мнѣнію Лосскаго, гносеологии долженъ предшествовать анализъ состава сознанія, теорія сознанія. Но сознаніе—сознаніе не въ психологическомъ и не въ метафизическомъ смыслѣ. Въ сознаніи какъ-то отыскивается гносеологическій объектъ. Если бы для Лосскаго сознаніе было психологическимъ, онъ не отмежевывался бы отъ психологии, и не упрекалъ бы Бергсона въ психологизмъ. Если бы сознаніе было для него метафизическимъ, то гносеологическій интуитивизмъ потерялъ бы себя самого и отношеніе къ Бергсону было бы непонятнымъ. Главный недостатокъ философіи Бергсона, по мнѣнію Лосскаго,—въ томъ, что у Бергсона нѣтъ анализа состава сознанія. Между тѣмъ, вся философія Бергсона отвѣчаетъ на коренной вопросъ: что такое сознаніе и познаніе? Для Бергсона сознаніе—принципъ метафизической, раскрытіе состава сознанія—построеніе системы философіи. И лишь требованіе въ теоріи сознанія какого-то гносеологического аспекта въ ущербъ метафизическому нѣсколько проясняетъ мысль Лосскаго. Для Бергсона нѣтъ отвлеченнаго гносеологического объекта, а есть сочлененіе жизни-мысли. Это сочлененіе для гносеологического интуитивизма будетъ смѣшеніемъ точекъ зрѣнія, психологизмомъ. Правда, въ философіи Бергсона есть психологическіе моменты, но они проистекаютъ изъ метафизики. Лосскій, взглянувшій на Бергсона, какъ на гносеолога по преимуществу, больше всего останавливается на гносеологическомъ психологизмѣ Бергсона, отстраняя черты метафизического психологизма. Такъ, память и матерія, оторванныя отъ метафизического сознанія, живого я превращаются въ гносеологическія категоріи, что у Бергсона совсѣмъ не отчетливо. Память оказывается видѣніемъ прошлаго, лишеннымъ творческаго характера, а матерія—чистымъ колебаніемъ... Забывается метафизическая природа и памяти и матеріи. Равнымъ образомъ, интуиція и разумокъ, взятые отдѣльно отъ мірового сознанія,—заставляютъ Лосскаго видѣть въ фило-

софіи Бергсона явный гносеологическій дуализмъ. Дѣйствительно, взаимоотношеніе интуиціи и разсудка Бергсономъ логически не прояснено, но ихъ единство все-таки дано въ единствѣ жизни сознанія, въ глубинномъ я. Такъ какъ Лосскій умаляетъ живого субъекта, то интуиція и разсудокъ, какъ тенденціи жизни, истолковываются имъ въ духъ гносеологическаго дуализма. Между тѣмъ, лишь проясненіе природы я, природы основныхъ слоевъ жизни, иначе говоря, проясненіе метафизическаго интуитивизма Бергсона вскрыло бы во всей глубинѣ недостатки его метафизическихъ и гносеологическихъ построеній.

Бергсонъ не принялъ вѣ-временнаго, какъ основы творческаго, временнаго потока, не вскрылъ за текучимъ—постояннаго. Отсюда недостатки и неясности его философіи, вскрытые, но не углубленные до первоисточника, Лосскимъ. Однако, поскольку и психологизмъ и наклонъ къ гносеологическому дуализму отражаютъ сущность метафизики Бергсона, критическое освѣщеніе, данное въ книгѣ Лосскаго, имѣетъ значеніе для оцѣнки философіи Бергсона въ цѣломъ. И это значеніе возрастаетъ по мѣрѣ перехода отъ метафизики Бергсона къ его гносеологіи и отчасти къ психологіи.

С. Голованенко.
